

УДК 343; 342.9

## ПРЕЛОМЛЕНИЕ ПРЕЗУМПЦИИ «НЕЗНАНИЕ ЗАКОНА НЕ ОСВОБОЖДАЕТ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ» В ПРАКТИКЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦ К УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В. С. Коростелев

В статье описываются юридические явления и факты, ставящие под сомнение абсолютность презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности». Критикуется как не соответствующий юридическим реалиям подход суда, при котором на все разновидности доводов против презумпции делается лаконичная ссылка на эту презумпцию. Для текстов юрисдикционных актов автором приводятся «шаблоны», в которых содержится подробное юридическое объяснение лицам, привлекаемым к ответственности, почему презумпция «незнание закона не освобождает от ответственности» абсолютна и не имеет изъятий.

**Ключевые слова:** суд, правоприменение, *ignorantia legis non excusat*.

«— ...Ты что, не знал о запрете?  
— К сожалению, нет. Дело в том, что...  
— Очень странно, понимаешь ли. Все знали, а ты не знал. А не знать было мудрено: об этом объявлялось трижды, громко и повсеместно. Где же ты был, что не слышал?» [1; с. 71].

*В. Михайлов*

Презумпция «незнание закона не освобождает от ответственности» стоит в ряду уникальных юридических явлений, которые не прописаны в правовых актах, но на общеправовом уровне не оспариваются в своём существовании и регулярно применяются или подразумеваются при применении в прикладной юриспруденции и практической законотворческой деятельности.

Учебный процесс в высшей школе закладывает в будущего юриста зёрна мировоззрения, что презумпция непоколебима, что её применение не требует аргументации, а её отрицание неверно уже в силу того, что презумпция общеправовая и существует вне зависимости от мнения конкретного юриста.

Суровая практика диктует, что эпизодичные сенсации вопиющего отрицания судами презумпции «*ignorantia legis non excusat*» неза-

медлительно исправляются в вышестоящих инстанциях (*здесь и далее в статье «суд» является собирательным термином, охватывающим собой и предполагающим собой в зависимости от контекста «суд», «судью», «административный орган», «должностное лицо, рассматривающее дело об административном правонарушении»*).

Так было с оправдательным приговором, вынесенным в Нальчикском городском суде Кабардино-Балкарской Республики, от 11 октября 2010 г. в отношении К. и З. по статьям о наркопреступлениях. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики недвусмысленно возразила: «Как основание оправдания З., суд указал в приговоре, что согласно заключению почерковедческой экспертизы подпись в уведомлении З. от 08.08.2007 г. выполнена не З., а другим лицом, из чего суд сделал вывод, что З. не было известно о запрете торговли кондитерским маком с примесью маковой соломы, а потому

не может за это нести уголовную ответственность, хотя данное обстоятельство не может служить основанием для оправдания, ибо незнание закона от уголовной ответственности не освобождает, а в приговоре допущены субъективные суждения, которые не охватываются никакими нормами права» [2].

Притом реальное же правоприменение напоминает, что презумпция «незнание закона не освобождает от ответственности» универсальна и касается всех сторон любого вида процесса вне зависимости от принадлежности участника к чину или позиции в частной сфере.

Например, не спасло «незнание закона» представителя правоохранительных органов от необратимого порока административного расследования в отношении ООО, проводимого по ч. 2 ст. 12.31.1 КоАП РФ. Правоохранители направили определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования вместо юридического лица в его филиал: «Довод представителя ОМВД РФ ... о том, что определение о возбуждении дела об административном правонарушении вручено директору Еланского филиала ООО ПНГ «Сады Придонья»... по причине незнания того факта, что филиал не является юридическим лицом, является несостоятельным, поскольку идёт в разрез с одним из основных правовых принципов, согласно которому незнание закона не освобождает от ответственности» [3].

На этом казусе возможно было бы и подвести конец изложения, если бы не одно «но». ***В «абсолютности» презумпции в современных юридических реалиях стоит вынужденно усомниться.***

Исследование практики привлечения лиц к уголовной и административной ответственности вскрывает немалый пласт тактик защиты (нередко и позиций органов публичной власти), отталкивающих от опровержения презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности». Конечно, нет препятствий оставить позади эти доводы, сострадательно квалифицировав их как отчаянную попытку обеспечить уход лица от ответственности, отработать гонорар, сымитировать бурную деятельность перед клиентом, не допустить отмены решения, оградить до конца ведомственные интересы от потенциально неудобной юрисдикционной позиции. Не составит труда даже

нелицеприятно интерпретировать доводы неграмотностью оратора или автора речи. Но это поспешная и ложная реакция.

Презумпция «незнание закона не освобождает от ответственности», по меньшей мере в уголовном процессе и процессе по делам об административных правонарушениях, потеряла запас устойчивости, непоколебимости и абсолютности в силу пяти причин в российской правовой действительности. И загвоздка не в стойком ощущении, что участники процесса не в полной мере понимают суть презумпции (или актёрски делают вид об этом). И причина даже не в том, что привлечённые к ответственности трактуют довод суда о презумпции варварски несправедливым в свете «исключительных обстоятельств», по которым не знакомы с нормой.

***Виной расшатыванию фундамента презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности», на наш взгляд, шесть факторов.***

#### ***1. «Изъятия в законодательстве».***

Плюс для одного требует оправдания минуса для второго и третьего. Юристу, практикующему уголовный процесс и процесс по делам об административных правонарушениях, для качественного выполнения порученной работы требуется неуклонно соблюдать требование об ознакомлении лица, в отношении которого ведётся производство по делу, с его правами и обязанностями. Этих норм немислимое количество.

Например, по ч. 2 ст. 172 УПК РФ, «следователь извещает обвиняемого о дне предъявления обвинения и одновременно разъясняет ему право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем в порядке, установленном статьёй 50 настоящего Кодекса». В ст. 263 УПК РФ расписано, что «председательствующий разъясняет переводчику его права и ответственность, предусмотренные статьёй 59 настоящего Кодекса, о чём переводчик даёт подписку, которая приобщается к протоколу судебного заседания».

В законе об административной ответственности также можно найти подобные нормы. В ч. 5 ст. 27.3 КоАП РФ предписывается разъяснять права и обязанности задержанному лицу и делать об этом соответствующую запись в протоколе об администра-

тивном задержании. В ч. 5 ст. 29.7 КоАП РФ предусмотрено, что при рассмотрении дела об административном правонарушении разъясняются лицам, участвующим в рассмотрении дела, их права и обязанности.

Разве это не изъятие, не исключение из принципа «незнание закона не освобождает от ответственности»? В широком смысле слова – «да». Права и обязанности описаны в норме. А есть оправдание этому? Есть. И далеко не носящее метафизического или умозрительного почерка. Истоки – в истории развития процессов с «карательным» элементом. Она учит, что массовые нарушения прав и свобод человека и гражданина при привлечении их к ответственности, а также репрессии сопровождаются тем, что жертвы даже не подозревают о наличии у них прав, о значении совершаемых ими действий во исполнение неизвестных им прав и обязанностей. Невинные лица застаются просто-напросто врасплох более подкованными в юриспруденции людьми. Поэтому изъятие «разъяснения предусмотренных законом прав и обязанностей» служит заслоном произволу.

Но подрывает ли это абсолютность презумпции?

*II. «Двойственная оценка судом довода об опровержении презумпции».*

Ю. незаконно контрабандным путём переместил через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наркотическое средство в крупном размере. Находясь на территории Турецкой Республики, злоумышленник незаконно приобрёл марихуану массой не менее 15,4 грамма, сокрыв в карманах носимой одежды, незаконно переместил на территорию РФ через таможенную границу Таможенного Союза в рамках ЕврАзЭС на пункте пропуска «Махачкала – Аэропорт», где он и был задержан в рамках оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение». На его пояснения в приговоре отмечено: «Суд считает заслуживающим внимания доводы подсудимого, что он не знал о наличии в РФ столь суровой ответственности за указанные действия, поскольку ст. 229<sup>1</sup> УК РФ введена Федеральным законом... № 420-ФЗ, хотя незнание закона не освобождает от ответственности» [4].

Своей расплывчатой и «сострадательной» формулировкой «считает заслуживающим вни-

мание доводы» арбитр дал повод подразумевать, что презумпция в принципе оспорима, и что могут найтись доводы её сокрушить.

Больше решений с «двойственной логикой» в реакции на пренебрежение презумпцией обнаружить нами не удалось. Соответственно, есть риск укора автору настоящей статьи, что сведения из единичного приговора гиперболизированы до уровня крепких и распространённых тезисов, хотя это всего лишь из ряда вон выходящая нелепая оговорка. Возможно, это и так. Но практика есть практика. В процессуальном отчаянии или попытке добиться признания своей точки зрения можно «накрутить» актуальность любой позиции суда. А в экстремальных ситуациях нельзя брезговать и тезисами конкретных судей, изложенными в научных публикациях. Поэтому рассуждение о соблюдении презумпции, пренебрежении ею должно быть осторожным, нельзя давать ни малейшего повода превратно его истолковать.

Тем не менее, не говорит ли такая оговорка в приговоре о подразумевании неабсолютности презумпции?

*III. «Сухая и короткая реакция суда на доводы защиты о неприменимости презумпции».*

ООО «Стройторг» привлечено к ответственности по ч. 1 ст. 18.15 КоАП РФ, при этом директор ООО заявлял, что не знал о необходимости наличия у иностранных граждан разрешения на работу на территории Белгородской области. Суд отреагировал кратко, изложив один и тот же тезис в виде двух предложений: «Доводы директора ООО «Стройторг» о совершении административного правонарушения ввиду незнания законодательства не являются основанием для освобождения юридического лица от административной ответственности. Незнание закона РФ не освобождает гражданина и юридическое лицо от ответственности, в том числе административной» [5].

В рамках другого процесса по делу об административном правонарушении Б. привлечён к ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ за управление автомобилем в пьяном состоянии. При этом установлено, что согласно его подписям, он согласен с «вынесенными в отношении него постановлениями, о чём свидетельствуют его подписи,

имеющиеся в документах». Однако гражданин решил пойти на попятную, что резко пресёк суд: «Что же касается ссылок Б. на то, что он был вынужден подписать документы, поскольку не обладал юридической грамотностью, и не знал деталей и тонкостей закона, то их следует также признать несостоятельными, поскольку незнание закона не даёт автору жалобы каких-либо привилегий, а, тем более, не освобождает от административной ответственности» [6].

Разбор примеров демонстрирует отсутствие изъянов в контрдоводах суда. Презумпция сама по себе не требует доказывания или многостраничной аргументации о допустимости её применения. Поэтому доводами о незнании закона можно условно пренебречь в виде шаблонного «нет, ты не прав».

Но реалии дня тоже надо учитывать. Когда заявление в прямой или завуалированной форме о чрезвычайных обстоятельствах неприменения презумпции делается устами юриста, тогда действительно нужно и дальше лаконично реагировать на довод. Это имеет и пользу в стимулировании специалиста не халатно относиться к профессиональным обязанностям, а проявлять чудеса внимательности и находчивости, чтобы найти иной способ противодействия позиции органов публичной власти.

Однако, когда опровержение презумпции происходит устами гражданина-неюриста, необходимо менять тактику. Как для лиц, мало сведущих в математике, аксиомы нередко пустой звук, так и для лица, далёкого от юриспруденции, презумпция – это какое-то «чудовищное предрешение его виновности», проявление «тоталитаризма».

Соответственно, необходимо сделать отступление и продумать философско-правовую позицию для широких масс по поводу мотивации и полезности применения презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности», включая её в судебные решения.

Не вынужденный ли это шаг к ограничению абсолютности презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности»?

*IV. «Феномен ускорения принятия новых правовых актов».*

Ситуация с ускорением принятия новых правовых актов приводит к парадоксу, что об их появлении не всегда подозревает и

профильный специалист: «...Система общественных отношений и связей усложнилась невероятно, да так, что даже юристы уже не в состоянии знать всё... Сейчас же специализация – это самое главное в нашей работе... Именно огромным количеством нормативных регуляторов обусловлены разговоры и дискуссии о том, что пора вводить финансовые или налоговые суды, создавать патентные трибуналы, формировать ювенальную юстицию и др. Всё это говорит о том, что принцип «незнание закона не освобождает от ответственности» требует или пересмотра, или уточнения» [7, с. 22].

В свете этого отнюдь не режет профессиональный слух и фраза от лиц, попавших в орбиту законов карательного свойства, что «если бы я знал, то не совершил».

Разве этим не ставится под ревизию абсолютность презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности»?

*V. «Предрассудки о предварительном разъяснении нормы об ответственности как обязательной предпосылке к привлечению лица к уголовной и административной ответственности».*

Крепки предрассудки в сознании некоторых правоприменителей, что по отдельным категориям дел возбуждение дела непременно должно предваряться предупреждением об ответственности (например, ст. 17.7 «Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении» КоАП РФ и ст. 306 «Заведомо ложный донос» УК РФ).

Данная точка зрения часто базируется не на скрупулёзном анализе закона, а на сложившейся юридической практике ведомства или даже прямом ведомственном предписании (см., например, абз. 2 п. 50 Административного регламента исполнения Федеральной службой по труду и занятости государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, утверждённого приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30 октября 2012 г. № 354н [8]).

Хотя, как следует из буквы закона, «предупреждение», надлежаще вручённое обвиняемому лицу, может быть лишь дополнительным инструментом в установлении вины лица, а не «признаком состава правонарушения», который надо ещё и доказывать.

Интересно, однако, что некоторые суды учитывают такое предупреждение при опровержении довода о неприменимости презумпции. Это не совсем корректно, поскольку заведомо завышает роль «предупреждения» об ответственности. А само «предупреждение» не регламентировано ни в УК РФ, ни в УПК РФ, ни в КоАП РФ.

К примеру, ООО привлекалось по ст. 17.7 КоАП РФ за неисполнение требований представления прокурора об устранении нарушений трудового законодательства. А их довод против презумпции не воспринят так: «Судом отклоняются доводы законного представителя лица, привлекаемого к административной ответственности директора ООО «Современные Социальные Услуги» Д. о совершении инкриминируемого юридическому лицу административного правонарушения вследствие незнания закона, поскольку данное обстоятельство не освобождает от ответственности, кроме того, данный довод опровергается содержанием вышеуказанных представлений прокурора, в которых содержатся ссылки на конкретные факты нарушений, выявленных прокурором в ходе проверки, а также указание на конкретный срок его исполнения» [9].

Разве практика предупреждения о возможном применении нормы права при отсутствии указания на такое предупреждение в законе не сводит на нет абсолютность презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности»?

*VI. «Сплетение и взаимовлияние презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности» и виновности лица в совершении деяния».*

Из подборки судебной практики Л. Р. Клебанова следует, что встречались прецеденты, когда формально «незнание закона» в части оборота культурных ценностей (признания того или иного предмета культурной ценностью) влияло на исключение вины подсудимого [10]. Однако стоит отметить, что это практика не обратилась массовой. Как будет в

том числе показано ниже, по ст. 138<sup>1</sup> УК РФ, никакие доводы о чистоте помыслов и обстановке, не предупреждающей о преступности, в расчёт судами никогда не принимались.

Но разве можно отрицать, что такая практика сужает «абсолютность» презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности»?

***Какой видится рациональный выход из ситуации с минимальными финансовыми и законотворческими затратами?***

Прежде всего, нужно отставить в сторону предложения по дополнительным уровням и усилиям по ознакомлению граждан с законодательством: «Пакеты новых законоположений отправлять в каждую семью» [11, с. 229]. Бюджеты бюджетной системы РФ не выдержат такой нагрузки, если воплощать идею в бумаге. А при активации альтернативных методов доставки новейшей правовой информации – через сеть Интернет, через круглосуточный доступ к «официальному интернет-порталу правовой информации» (<http://pravo.gov.ru>) даже при неоплаченном трафике – нельзя быть полностью уверенным, что гражданин вообще откроет заветный файл или у него будет доступ к сети Интернет.

Приходящая на ум мысль о декриминализации «неочевидных в преступности» деяний типа преступлений по ст. 138<sup>1</sup> УК РФ, ч. 1 ст. 139 УК РФ, ст. 192 УК РФ несостоятельна – умение обходиться действующим правовым материалом даёт гораздо больше ценного опыта, чем упование на его экстренную модернизацию.

А смелые предложения о законодательной регламентации презумпции и исключений при обращении к ней сами по себе поставят крест на её абсолютности и переведут её в разряд условных принципов. По этой причине не подходит в перспективе предложение о дополнении ст. 28 УК РФ частью 3 в редакции: «Незнание закона не освобождает от уголовной ответственности. Однако суд вправе с учётом всех обстоятельств дела признать деяние совершённым невиновно, если будет установлено, что лицо, его совершившее, не осознавало противоправности своих действий (бездействия) и не могло её осознавать либо имело достаточные основания полагать, что оно действует (бездействует) правомерно» [12, с. 9].

Сосредоточиться надо на иной зацепке: право основано на череде доказываний, которым нет конца.

Презумпция без подтверждения для «непосвящённых» в современной России может нести политический ущерб, особенно в атмосфере, когда власть борется за свой авторитет перед народом и когда есть силы, готовые играть на любой оплошности или, главное, недомолвке со стороны органов публичной власти.

Подобно эффективной медицинской практике, когда врач переводит на бытовой язык банальные для него термины, чтобы больной лучше усвоил диагноз и курс лечения, венцом юрисдикционного разбирательства должны быть усилия к тому, чтобы подсудимый понял, в чём было нарушение, и почему презумпция безусловна против него.

Соответственно, суд должен выйти из пределов комфорта, даруемых самой сущностью презумпции, и расширительно в целях убеждения парировать доводы стороны защиты (иного заявителя) о неприменимости презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности», не покушаясь при этом на её абсолютность.

Для реализации этого заявления нет никакого смысла произносить набившие оскомину речи о неукоснительном соблюдении индивидуального подхода к рассмотрению каждого дела, о важности подробного изложения судьейского усмотрения. Соображение подкрепляется суровой действительностью: большая нагрузка на суды и аппарат суда, когда расточительно тратить время на аргументацию применения очевидного явления, тем более презумпции, проистекает и в то, что сам текст судебного решения в известной степени «автоматизирован», «делается по образцу» со знакомыми формулировками. Следовательно, можно сконструировать «блоки», «шаблоны» касательно действия презумпции, пригодные для копирования из решения в решение со скромной корректировкой переменных или даже без них.

Что в них должно быть отражено?

– Необходимо доказать существование презумпции ссылкой на решение Конституционного Суда РФ (должно внушить, что это не находка «философствующего судьи»).

– Необходимо упомянуть об официальном опубликовании законов как предпосыл-

ке к абсолютному действию презумпции (подчёркивается, что законодательство не засекречено и что при должном уровне любопытства нормы должны были быть известны гражданину).

– Необходимо в полной мере задействовать потенциал «формализма» и рассказать, что такого основания освобождения от ответственности или наказания как «незнание закона» не регламентировано (аспект сострадания).

Соответственно скелет шаблона должен в нашем представлении выглядеть так: *«Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. законы подлежат официальному опубликованию, неопубликованные законы не применяются, любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. В соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова» [13] требование обнародования нормативного правового акта от имени государства компетентным органом публичной власти обусловлено общепризнанным принципом правовой определённости, на основе которого устанавливаются отношения государства и индивида, и означает всеобщее оповещение о том, что данный нормативный правовой акт принят и подлежит действию в изложенном аутентичном содержании. Там же указано, что только в этом случае на лиц, подпадающих под его действие, распространяется общеправовая презумпция, в силу которой незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Правовой акт, на незнание которого ссылается <...> (подсудимый, защитник, лицо, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, заявитель, законный представитель, иное лицо) официально опубликован. Кроме того, действующий закон <...> (УК РФ 1996 г., КоАП РФ 2001 г.) содержит большой спектр оснований освобождения от ответственности»*

сти, освобождения от <...> (наказания, административного наказания). Однако «незнание закона», на которое ссылается <...> (подсудимый, защитник, лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, заявитель, законный представитель, иное лицо) в законе не закреплено в качестве такого основания. В связи с этим незнание закона не освобождает <...> (подсудимого, лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении) от ответственности».

Данный «скелет» не носит характер однострочной или двухстрочной отписки, что уже располагает виновное лицо к его изучению. Эта конструкция не опровергает презумпцию, но лишь подробно излагает наиболее расположенные к простым гражданам предпосылки к своей абсолютности (исключая, разумеется, указание на историчность тезиса и указания на то, что при его отмене никого и никогда нельзя будет привлечь к ответственности).

Но данный шаблон не универсален и не учитывает всех нюансов... Соответственно, и «скелетов» должно быть не меньше, чем самих типов доводов против применения презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности».

**Выборочное изучение судебной практики показывает, что юридическое сопротивление практическому воплощению презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности» можно свести к четырём доводам.**

**1. «Абсолютное незнание о норме права» либо «Ознакомление с нормой права после совершения правонарушения».**

Продемонстрируем довод двумя примерами.

Водитель И. привлечена к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ за отказ выполнить законные требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (нарушение п. 2.3.2 Правил дорожного движения РФ, утверждённых Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 [14]). И. привела массу извинительных доводов: и что не доверяла прибору, и что торопилась отвезти тяжелобольную мать, и что

подписала протокол, не читая, и что, когда знакомый после отказа разъяснил ей, что к чему, она просила сотрудников полиции отвезти её на медицинское освидетельствование. Но Центральный районный суд г. Хабаровска справедливо отклонил их: «И., являясь водителем транспортного средства обязана знать и соблюдать Правила дорожного движения РФ. Незнание закона не освобождает лицо от ответственности за совершённое правонарушение» [15].

А. осуждён по ч. 1 ст. 171 УК РФ за добычу песка строительного с извлечением дохода в крупном размере без лицензии на территории мишенного поля воинской части. Довод стороны защиты о незнании закона не выдержал испытание судебским усмотрением: «Суд не может согласиться с доводами стороны защиты о том, что поскольку А. не знал о том, что при осуществлении предпринимательской деятельности по добычи песка в обязательном порядке должна быть получена лицензия на недропользование, то следовательно, в его действиях отсутствует состав какого-либо преступления, поскольку в данном случае распространяется общеправовая презумпция, в силу которой незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение» [16].

Д. осуждён по ч. 1 ст. 335 УК РФ за избиение сослуживца за отказ вымыть пол, чем были нарушены положения Устава внутренней службы Вооружённых Сил РФ и Дисциплинарного устава Вооружённых Сил РФ. Защищена пыталась применить внешне нестандартный ход: «Д. цели нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими не преследовал, а кроме того Д. М. не были доведены положения Уставов, в связи с чем его действия подлежат перекалфикации на ч. 1 ст. 115 УК РФ». Однако суд всецело остался на стороне презумпции: «Кроме того, суд отмечает, что в соответствии с общепринятыми нормами права незнание закона не освобождает от ответственности и не является основанием для применения насилия».

В позиции защитника была некоторая доля лукавства. Дело в том, что воинские уставы – это правовые акты, подлежащие официальному опубликованию. И, как бы это не звучало странно для неюриста, но о воинских уставах, хотя и очень специфичных по области применения, должны знать все гра-

ждане России, а не только проходящие военную службу.

Тем не менее, в целом довод является базовым и во всём стандартным, поэтому применительно к нему совершенствовать шаблон контрдовода суда о действии презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности» не стоит.

*2. «Не разъяснены последствия применения закона»; «не проведено своевременное обучение либо ознакомление лица, обязанного по профессиональной стезе знать норму, с содержанием той или иной нормы при наличии практик ознакомления с ними».*

Б. Е. И. признан виновным в совершении административного правонарушения по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ за отказ пройти освидетельствование прибором и проехать на освидетельствование. На суде Б. Е. И. защищался так: «Также никто из сотрудников ГИБДД не разъяснил ему о том, что его лишат прав, если он не пройдет освидетельствование». Но суд указал: «Довод Б. Е. И. о том, что он не знал законов об отказе от прохождения медицинского освидетельствования не имеет правового значения, поскольку незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Кроме того, данный довод опровергается показаниями допрошенных лиц, которые подтвердили, что Б. Е. И. последствия отказа разъяснялись» [17].

Несмотря на то, что защита Б. Е. И. строилась на выдуманных фактах, со всей серьёзностью надо отнестись к доводу. Он тесно граничит с требованиями законодательства об обеспечении при осуществлении отдельных процессуальных действий знакомства лица с предусмотренными правами и обязанностями. Между тем, законодательство об административной ответственности нигде не содержит прямого предписания знакомить лицо с санкциями статей КоАП РФ и законов субъектов об административной ответственности, практикой применения санкций, а также со всеми возможными негативными последствиями привлечения лица к административной ответственности.

Довод можно истолковать и в ином свете – что лицо не было предупреждено об административной ответственности. Но здесь будет выход на классический довод «абсолютное незнание о норме права» либо

«ознакомление с нормой права после совершения правонарушения», рассуждения о котором изложены выше.

Однако с дальнейшими вариантами доводов ситуация обстоит ничуть не проще.

Р., член закупочной комиссии, признан виновным по ч. 7 ст. 7.32.3 КоАП РФ, и ему назначено наказание в виде административного штрафа в размере 2000 рублей. А защитник указал в качестве одного из доводов: «Кроме того, административный орган не учёл те обстоятельства, что члены закупочной комиссии не были специально обучены процедуре проведения закупки, тонкостей законодательства в данной сфере они не знают, именно этот факт привёл к допущенным нарушениям. Считает, что в данном случае имеет место перекалывание ответственности юридического лица, которое не уделило должного внимания обучению членов закупочной комиссии процедуре проведения закупки, на должностное» [18].

Можно, конечно, в шаблонах начать экспериментировать с нормами служебного и трудового законодательства о требованиях при допуске к профессии, в том числе требованиях о юридической ознакомленности. Однако законодательство о службе и труде неоднородно, и по-хорошему, суду ещё самому вроде бы предстоит отыскать применимого норму о «стандарте» знания служащего или профессионала. Поэтому контрдовод можно настроить лаконичнее: достаточно сделать общую ссылку на то, что ознакомление лица с официально опубликованным законом и обучение его официально опубликованному закону для целей привлечения к уголовной и административной ответственности самостоятельного правового значения не имеет.

Ввиду этого предлагаемый нами шаблон будет выглядеть так.

*«Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. законы подлежат официальному опубликованию, неопубликованные законы не применяются, любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. В соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности*

пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова» [13] требование обнаружения нормативного правового акта от имени государства компетентным органом публичной власти обусловлено общепризнанным принципом правовой определённости, на основе которого устанавливаются отношения государства и индивида, и означает всеобщее оповещение о том, что данный нормативный правовой акт принят и подлежит действию в изложенном аутентичном содержании. Там же указано, что только в этом случае на лиц, подпадающих под его действие, распространяется общеправовая презумпция, в силу которой незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Правовой акт, на незнание которого ссылается <...> (подсудимый, защитник, лицо, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, заявитель, законный представитель, иное лицо) официально опубликован.

Действующее законодательство не содержит дополнительных требований о применении того или иного официально опубликованного закона к тому или иному лицу, в том числе посредством ознакомления или обучения.

Кроме того, действующий закон <...> (УК РФ 1996 г., КоАП РФ 2001 г.) содержит большой спектр оснований освобождения от ответственности, освобождения от <...> (наказания, административного наказания). Однако «незнание закона», на которое ссылается <...> (подсудимый, защитник, лицо, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, заявитель, законный представитель, иное лицо) в законе не закреплено в качестве такого основания. В связи с этим незнание закона не освобождает <...> (подсудимого, лицо, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении) от ответственности.

3. «Затруднения с ознакомлением с нормой права в справочно-правовой системе».

И., осуждённый Фрунзенским районным судом г. Иваново по ст. 138<sup>1</sup> УК РФ, при обжаловании приговора не добился желаемо-

го: «Выдвинутые стороной защиты в заседании суда апелляционной инстанции доводы о том, что И. ввиду сбоя в официальной справочной правовой системе «Консультант плюс» не мог знать о последствиях продажи такого средства, не является основанием для его освобождения от уголовной ответственности, поскольку в силу общеправовой презумпции незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение» [19].

Главный редактор МБУ привлечена к ответственности по ст. 19.7.2 КоАП РФ за несвоевременное направление обращения о согласовании заключения контракта с единственным поставщиком. «Кроме того, на момент подачи документов на согласование в Контрольно-счётную палату муниципального образования город Лабытнанги она не владела информацией о внесении изменений в Закон о контрактной системе закупок (в пункт 25 части 1 ст. 93 Закона изменения от 04.06.2014 г.) из-за перебоев в работе справочно-правовой системы» [20].

Встретить этот довод – настоящая удача и неожиданность. Но от профессиональных восторгов следует сразу осечь на более важный момент. Доминирование и увеличение числа справочно-правовых систем неминуемо даже у профессионала отбивает всякое желание перепроверять по официальным сайтам, периодическим изданиям редакцию правового акта. Чего уж требовать от рядовых граждан? Простота, удобство и доступность (бесплатные версии в сети Интернет, наличие экземпляра у коллеги на рабочем месте, доступные версии для мобильных операционных систем) подменяют понятия даже у профессионалов. Косвенно это подтверждается тем, что ведомственные вестники, издание «Собрание законодательства Российской Федерации», на которые указывается в подстрочных сносках публикаций, как правило, не открываются авторами: данные о них берутся из справочно-правовых систем. Тем не менее, парировать этот довод можно грамотным разбором специализированного законодательства.

Шаблон на третий довод будет выглядеть так.

«Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. законы подлежат официальному опубликованию, неопубликованные законы не применяются, любые нормативные правовые ак-

ты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. В соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова» [13] требование обнародования нормативного правового акта от имени государства компетентным органом публичной власти обусловлено общепризнанным принципом правовой определенности, на основе которого устанавливаются отношения государства и индивида, и означает всеобщее оповещение о том, что данный нормативный правовой акт принят и подлежит действию в изложенном аутентичном содержании. Там же указано, что только в этом случае на лиц, подпадающих под его действие, распространяется общеправовая презумпция, в силу которой незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Правовой акт, на незнание которого ссылается <...> (подсудимый, защитник, лицо, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, заявитель, законный представитель, иное лицо) официально опубликован. Кроме того, действующий закон <...> (УК РФ 1996 г., КоАП РФ 2001 г.) содержит большой спектр оснований освобождения от ответственности, освобождения от <...> (наказания, административного наказания). Однако «незнание закона», на которое ссылается <...> (подсудимый, защитник, лицо, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, заявитель, законный представитель, иное лицо) не закреплено в указанных нормативных актах в качестве такого основания.

В Российской Федерации действуют акты федерального и регионального уровня об опубликовании правовых актов. Это в том числе Федеральный закон от 25 мая 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания», <...> (Закон Самарской области от 25 апреля 1995 г. № 3-ГД «О порядке опубликования и

вступления в силу законов и иных нормативных правовых актов Самарской области» или иной региональный закон в зависимости от обстоятельств дела). При этом ни в одном из них не урегулирована возможность опубликовать нормативный правовой акт в «справочно-правовой системе». При ознакомлении с нормой права в электронном виде необходимо было руководствоваться предусмотренными законодательством официальными интернет-порталами, например, Официальным интернет-порталом правовой информации (<http://pravo.gov.ru>)).

В связи с этим незнание закона не освобождает <...> (подсудимого, лицо, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении) от ответственности.

4. «"Законность" обстановки совершения преступления или административного правонарушения».

Здесь в рейтинге несчастья в первую очередь бросается в глаза ст. 138<sup>1</sup> УК РФ.

Н. осуждён по ст. 138<sup>1</sup> УК РФ за приобретение через Интернет пишущей авторучки со встроенной видеокамерой и микрофоном, являющуюся специальным техническим средством, предназначенным для негласного получения информации. В апелляционной жалобе осуждённый выставил на первый план факт, что авторучка приобретена «на общедоступном сайте, через который реализуются товары широкого потребления, поэтому не мог представить, что покупка будет расценена как приобретение специального технического средства, предназначенного для негласного получения информации, и считал свои действия законными» [21]. Но суд как будто и не вчитывался: «Доводы стороны защиты о законности приобретения авторучки являются несостоятельными, поскольку специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации, отнесены в Российской Федерации к продукции, использование которой физическим и юридическим лицам, не уполномоченным на это Федеральным законом от 12 августа 1995 года №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», запрещено» [21].

Гражданин А. И. также получил уголовное наказание по ст. 138<sup>1</sup> УК РФ, а суд апелляционной инстанции напомнил о дово-

де, отвергнув его: «В обоснование доводов жалобы апеллирует указывает, что в приговоре не дана оценка субъективной стороне преступления, предусмотренного ст. 138<sup>1</sup> УК РФ. Указывает, что он не знал и не мог знать, что его действия запрещены уголовным законом, о чём свидетельствует открытость его действий, в частности, размещение объявления о продаже наружных часов со скрытой видеокамерой» [22].

Практика производства по делам об административных правонарушениях тоже приводит подобные случаи. Гражданин, решивший порыбачить в неполюженном месте, был подвергнут административному наказанию по ч. 2 ст. 8.37 КоАП РФ. Для демонстрации сути вопроса достаточно прочесть две цитаты из решения: «Заявитель указал, что о запрете осуществления лова рыбы с пристани он не знал, никаких запрещающих и предупреждающих знаков на пристани установлено не было»; «доводы заявителя о том, что он не знал о запрете вылова рыбы с пристани, правового значения не имеют, поскольку незнание закона не освобождает от ответственности» [23].

Здравое зерно в логике лиц, привлекаемых к ответственности, несомненно, присутствует. Доступность объекта для посягательства, отсутствие видимых преград к соблюдению закона, нулевые подвижки официальных властей в ограничении доступа к электронной торговой площадке, на котором предполагается закупка ограниченного в обороте оборудования – вся эта совокупность в своём единстве не даёт ни малейшего шанса человеку в шаге от правонарушения задуматься о последствиях. Но, к сожалению, за низкое качество предупредительной деятельности, за слабую пропаганду недопустимости совершения «малорастиражированных» правонарушений нести ответственность, административную и уголовную, должен все-таки гражданин. Этому доводу затруднительно подобрать разумное «народоориентированное» решение, но возможно.

Поэтому на четвёртый довод шаблону надлежит обрести следующую форму.

*«Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. законы подлежат официальному опубликованию, неопубликованные законы не применяются, любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и*

*обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. В соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова» [13] требование обнародования нормативного правового акта от имени государства компетентным органом публичной власти обусловлено общепризнанным принципом правовой определённости, на основе которого устанавливаются отношения государства и индивида, и означает всеобщее оповещение о том, что данный нормативный правовой акт принят и подлежит действию в изложенном аутентичном содержании. Там же указано, что только в этом случае на лиц, подпадающих под его действие, распространяется общеправовая презумпция, в силу которой незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Правовой акт, на незнание которого ссылается <...> (подсудимый, защитник, лицо, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, заявитель, законный представитель, иное лицо) официально опубликован. Кроме того, действующий закон <...> (УК РФ 1996 г., КоАП РФ 2001 г.) содержит большой спектр оснований освобождения от ответственности, освобождения от <...> (наказания, административного наказания). Однако «незнание закона», на которое ссылается <...> (подсудимый, защитник, лицо, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, заявитель, законный представитель, иное лицо) в законе не закреплено в качестве такого основания. В связи с этим незнание закона не освобождает <...> (подсудимого, лицо, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении) от ответственности».*

*Применительно к вменяемой <...> (подсудимому, лицу, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении) статье закона действующее законодательство не преду-*

сматривает установку предупредительных и запрещающих знаков, табличек, информационных стендов, а равно не предусматривает распространение в том числе электронным способом предупреждений о возможной ответственности за совершение противоправного деяния.

О наличии запрета в данном случае свидетельствует закон, а не установленное в том или ином виде предупреждение во исполнение законодательного предписания. Запрет действует в соответствии с принципами действия закона во времени и пространстве, установленными <...> (ст.ст. 9–12 УК РФ 1996 г.; ст.ст. 1.7–1.8 КоАП РФ).

Соответственно действующее законодательство не предусматривает и изъятий из презумпции «незнание закона не освобождает от ответственности». В законе не указано, что отсутствие предупреждения об ответственности может служить основанием к освобождению от ответственности».

**В заключении подведём итог, что доводов и шаблонов реагирования на них может быть гораздо больше.** Презумпция «незнание закона не освобождает от ответственности» многогранно преломляется в практике привлечения лиц к уголовной и административной ответственности. В «процессуальном отчаянии» фантазия может разыграться и дальше. Можно предположить, что возможны (или уже существуют) доводы вполне эрудированных или расчётливых людей, что они читали не тот комментарий к закону, поэтому сочли своё поведение законным, или по тождественным обстоятельствам был вынесен оправдательный приговор. И все такие доводы потребуют для себя отдельных шаблонов.

### Литература

1. Михайлов В. Сторож брату моему: Фантастическая диалогия. СПб.: Северо-Запад, 1993. 543 с.
2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 18 марта 2011 г. по делу № 22-99 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Решение Еланского районного суда Волгоградской области от 29 марта 2016 г.

по делу № 12-15/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Приговор Карабудахкентского районного суда Республики Дагестан от 18 июля 2012 г. по делу № 1-78/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Постановление Старооскольского городского суда Белгородской области от 26 марта 2013 г. по делу № 5 212/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Решение Уральского окружного военного суда от 10 июля 2012 г. по делу № 9-ка-12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Брызгалин А. В. Незнание закона не освобождает от ответственности... Но что-то я задумался: а правильно ли это? // Налоги и финансовое право. 2012. № 7. С. 21–22.

8. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30 октября 2012 г. № 354н // Российская газета. 2013. № 68.

9. Постановление Кировского районного суда г. Хабаровска от 22 апреля 2015 г. по делу № 5-82/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Клебанов Л. Р. Неправильное представление о непроступности деяния // Законность. 2012. № 2. С. 34–39.

11. Панченко П. Н. Презумпция знания уголовного закона и свобода экономической деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2. С. 227–233.

12. Горячев И. Н. Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 24 с.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова» [Электронный ресурс] // СЗ РФ. 2012. № 15. Ст. 1810. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 // Российские вести. 1993. № 227.

15. Решение Центрального районного суда г. Хабаровска от 8 сентября 2015 г. по делу № 12-456/15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Приговор Советского районного суда Ставропольского края от 8 апреля 2014 г. по делу № 1-13/2014 (1-300/2013) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Решение Советско-гаванского городского суда Хабаровского края от 19 мая 2015 г. по делу № 12-72/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска от 1 июля 2015 г. по делу № 12-342/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 10 февраля 2015 г. по делу № 22-224/2015. URL:

<https://rospravosudie.com/court-ivanovskij-oblastnoj-sud-ivanovskaya-oblast-s/act-469503566/> (дата обращения: 24.10.2016).

20. Решение Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 13.02.2015 по делу № 12-1/2015 (12-116/2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Карелия от 16.01.2015 по делу № 22-2286/2014. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-kareliya-respublika-kareliya-s/act-470119924/> (дата обращения: 24.10.2016).

22. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Бурятия от 18 ноября 2015 г. по делу № 22-1929/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhov-nyj-sud-respubliki-dagestan-respublika-dages-tan-s/act-501809746/> (дата обращения: 24.10.2016).

23. Решение Советского районного суда г. Астрахани от 12 декабря 2013 г. по делу № 12-610/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

## INTERPRETATION OF PRESUMPTION

### «IGNORANCE OF LAW DOES NOT RELEASE FROM RESPONSIBILITY» IN THE PRACTICE OF CRIMINAL PROSECUTION AND BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

V. S. Korostelev

Juridical occurrences and facts, that prejudice absoluteness of presumption «ignorance of law does not release from responsibility», are described in the article. Trial method, by which all differences of counterargument against presumption are met by short link to that presumption, is criticized as not corresponded to law reality. «Models», which contain detailed juridical explanation to people, who are called to account, in what way presumption «ignorance of law does not release from responsibility» is absolute and has not exceptions, are adduced by author for texts of jurisdictional acts.

**Key words:** court, law enforcement, ignorantia legis non excusat.

*Статья поступила в редакцию 02.11.2016 г.*